

Вячеслав Воронов

Запах гари

Роман

1

Котиль взглянул на реку, и глаза его налились бешенством. Остановившись шагов за десять до воды, он втянул в ноздри воздух. Пахло смесью мазута, тухлых яиц и ещё какой-то гнилью. Васильев остановился рядом с ним.

— Это уже последняя, — обронил Котиль.

— Что последняя?

— Рыба последняя. Та, что пережила предыдущие выбросы. Но это — всем выбросам выброс. Больше рыбы не будет.

Поверхность реки была покрыта дохлой рыбой, плававшей белёсыми брюхами вверх. Мелюзга была рассыпана, словно семечки, рядом с крупными рыбинами, караси упокоились рядом со щуками, окуни гнили неподалеку от плотвы. Ветер, подымая лёгкую, блестящую всеми цветами радуги волну, сбивал дохлятину в кучи, прибывал к берегу, разнося по округе отвратительный запах. Ели, росшие на берегу, протестующе шумели, и

больше никаких звуков слышно не было, словно всё окрест вымерло.

— Не только рыбы больше не будет, — сказал Котиль. — Ничего здесь больше не будет. Ни природы, ни жизни вообще. Скоро эта опухоль разрастется на всю страну, на весь мир. Да она уже разрослась.

Он запустил руку в рыжие волосы и со стоном потянул, словно вознамерившись вырвать пучок. На лице его появилась гримаса ярости, но он быстро успокоился, как человек, не первый раз столкнувшийся с подобным.

— Надо что-то делать, — отозвался Васильев, переминаясь на коротких, кривоватых ногах. Сплюнув в сторону, он озабоченно посмотрел на товарища и перевел взгляд на реку. — Соберём людей, перекроем дорогу!

— Толку. Уже перекрывали. Опять пригонят ментов, дадут нам дубинками, пару суток продержат в обезьяннике.

— Что ты предлагаешь?

— К чёрту перекрытие дорог! — выкрикнул Котиль. — К чёрту весь этот детский сад! Они по-человечески не понимают. И никогда не поймут. Плевать хотели они на эти жалкие протесты! Если им что-то надо — что они делают? Топчут в грязь, убивают, всё, что угодно! А мы им культурно дороги перекрываем.

— И что ты...

— Надо действовать на их территории. Посмотрим, как им это понравится. Они привыкли гадить в чужом доме — а мы залезем к ним.

— Ты уверен?

— А ты ещё нет? Сколько можно терпеть эту сволочь! Что я, рыжий что ли? — он горько усмехнулся, отвернувшись от реки, и тоскливо поглядел на вершины елей.

— Там охрана. И неплохая, вроде...

— Ничего, обойдём охрану их доблестную. Ночью пойдём.

— Ты слышал, в тайге какая-то тварь опять напала на охотников?

— И что?

— Из троих только один выжил. Двоих разорвала, не успели глазом моргнуть. Говорит, тварь такую силу имеет, что мама дорогая...

— Так она людей ест?

— В том-то и дело, что нет. Пожрала сигареты и выхлебала бензин для костра. И кровь у неё серая. Прямо монстр из иных миров.

— Чего? Что за бред? — не поверил Котиль. — Сколько они заложили за воротник?

— Да нет, мужик вроде нормальный, Иван его знает. Тем более не первый раз, не слышал?

— И что это может быть? С НИИ что-то сбежало?

— Скорее всего. Они доиграются со своими экспериментами. Мало двуногих идиотов, так они еще бог знает что выращивают...

— Ну, что бы там ни было, нам не тварей бояться надо, а людей. И выращивать никого не надо. Люди, сам знаешь, пострашнее всяких тварей будут.

2

Марина вышла из ванной, кутаясь в махровый халат и поправляя влажные белокурые волосы. Войдя в кухню, она зло грохнула на плиту кофеварку и повернула краник, автоматически загорелся газ. Лениво подняв руку, пальцем с ярко-красным ногтем она дотронулась до сенсорной кнопки на блестящей хромом вытяжке. Едва слышно загудел двигатель. Проделав это, с недовольным выражением лица она неспешно продефилировала в спальню и стала надевать колготки.

На кровати полированного дерева размером с хоккейную площадку спал Бардаганов. В который раз мелодично отозвался будильник, но на него он не произвел никакого воздействия — он всё так же похрапывал, раскинув руки и почти сбросив на пол подушку.

— Вставай! — рывкнула Марина,

презрительно взглянув на мужа. Тот едва заметно пошевелил ногой и приоткрыл опухшие глаза.

— Тебе не будильник надо, а гвоздь в одно место! Опять нажрался, как свинья! Ты хоть помнишь, что вчера вытворял?

— Рот закрой, — прохрипел Бардаганов, не двигаясь.

— Ты мне рот не затыкай! — с остервенением выдала Марина, застёгивая бюстгальтер. — Я твоя жена, как — никак. Не то, что эта твоя шлюха!

— Какая?.. Я уже забыл...

— Ой-ой, забыл! Хоть не ври! Зато я ничего не забыла! Ты про жену забыл, это да.

— Ты что, не видишь...

— Я всё вижу, всё. Тебе верить — себя не уважать. Мы на Бермуды вообще-то собирались, ты и это забыл.

— Да лети, кто тебя держит!

— Нет уж, вместе собирались.

— У меня работа, у меня... — медленно, с натугой выговаривал Бардаганов, бессильно лёжа в постели.

— Да, да, работа у тебя, пьянки до полусмерти, шлюхи у тебя!

— Тебе явно надо на острова. Голову на солнышке погреть, чтоб тараканы оттуда поразбегались.

— А я уже не хочу никуда. Вернее хочу, но не

на неделю.

— Вали хоть на месяц, в чём проблема?

— Проблема в том, что я хочу туда навсегда! — повысила голос Марина. — Не на Бермуды, но куда-нибудь туда. Туда! Туда! Навсегда! Чтоб глаза мои не видели всего этого!

— Уедем, я же тебе говорил. Но здесь ещё дел по горло, ещё денег надо выбить, пока есть возможность.

— Так выбивай!

— А я чем занимаюсь, по-твоему?

Он решительно и злобно отбросил одеяло, словно это оно было виновато во всех проблемах, и поднял могучее, спортивное, но уже начавшее заплывать жирком тело с кровати. На левой щеке его алел шрам, который тянулся почти от глаза до рта. Тотчас, схватившись за виски, он мучительно застонал и уселся обратно.

— А, чёрт! Выбивай... Это с меня выбивают! Все словно с цепи сорвались. Деньги, деньги! А тут еще эти зелёные, журналисты и прочая мразь — снова прибегут со своими плакатами, со всем этим барахлом!

— Забей на зеленых, на журналистов!

— Я давно на них забил. Да на всех не забьёшь.

— Забей на Москву, на всех!

— Не лезь, куда не надо!

— Так ты никогда ничего не добьёшься!
Продай всё, всё к чёртовой матери, и поехали
отсюда!

— Закрой, наконец, пасть!

— Или дай мне денег, я уеду, а сам делай, что хочешь! Только нормальных денег, а не жалкую подачку! — Марина уже почти орала визгливым голосом, требуя своё, кровное, словно речь шла о жизни и смерти.

— Денег тебе! Ты ж их спустишь за месяц!

— Тебе какое дело? Половина всего — моя!

— Не переживай, когда коньки отброшу — всё твоё будет.

— И когда ж это ты осчастливишь меня? Может, поведаешь хоть, когда такое событие произойдет? Что у тебя там по плану — очередная пьянка до полусмерти, или раньше пристрелят?

Бардаганов припарковал «Джип» возле конторы, не торопясь вывалился из него и с маху хлопнул дверцей, всей грудью вдыхая привычный и вездесущий запах нефти. Подпухшее лицо его со шрамом и ожесточенно-зверским выражением не гармонировало с приличной светлой рубашкой из дорогой ткани и тёмными брюками. Вокруг кипела работа, сновали люди в промасленных спецовках, перемешивая кирзовыми сапогами грязь. Неподалеку от конторы размеренно и плавно, как

колодезный журавль, бил поклоны штанговый насос, из отстойников порывы ветра несли запах гнили. Возле проржавевших мусорных баков двое рабочих, матерясь, о чем-то спорили.

Бардаганов зло толкнул жалобно скрипнувшую конторскую дверь и вошел, проигнорировав мокрую тряпку у порога, оставляя на недавно вымытом полу грязные следы. Промычав что-то бессвязное в ответ на приветствие секретарши, которая мгновенно приняла занятой вид, он вошел в кабинет.

Его уже ждали. Семеро человек, его боевой штаб, начальство буровой и перерабатывающего завода, сидело за длинным, с вытертым по краям лаком столом. Восьмой был в форме майора полиции. Он флегматично двигал мощными челюстями, мусоля жвачку, и без интереса поглядывал в окно.

— Мы все на восемь, как вы и сказали, — прокашлявшись, сообщил мужичок с залысиной в центре головы, который сидел ближе всех к входной двери. — Полтора часа сидим.

— А-а ... будильник чёртов... — пробормотал Бардаганов, грузно усаживаясь в кресло во главе стола. — Я, конечно, извиняюсь... Что там у нас?

— С утра пораньше хорошие, в кавычках, новости. Резво сработали. Только позавчера сброс был, а они уже...

— Да пошли они!.. С этими попугаями все ясно. Всё, как всегда, пусть юристы пудрят им мозги. Если будут слишком уж вой подымать, сам поеду, все утрясу.

— На стоке кран не держит. Без всяких сбросов будет течь. Да и потери...

— Сделайте кран!

— Сколько раз уже делали! — спорил мужичок с залысинами. — Менять надо, и не один кран, а весь узел. Да ещё и...

— Опять расходы! Обойдётся пока, пусть течет.

— Охломоны всякие... журналисты и прочие... наверняка снова явятся со своими плакатами, будут дороги перекрывать, работе мешать.

— Пожарную машину на дорогу! — краснея, рывкнул Бардаганов. — Заранее пусть поставят, и только явятся — сразу искупать сволоту!

— Вениаминов сказал, что больше не будет их обливать. Напор, мол, сильный, в прошлый раз одному чуть глаз не выбило, в травмопункт бегал, потом в полицию...

— Какую еще полицию? Полиция здесь сидит! — крикнул Бардаганов, сурово зыркнув на майора. Тот безразлично зевнул.

— Ну, я... — протянул майор и сделал непонятный жест рукой. — Ясно, что спустили все.

Очередное заявление нацарапали, ну да пусть пишут, бумаги не жалко. Только особо упрямые в область ездят, там всех трясут.

— Так что с областью?

— Есть там один правильный.

— Правильный! Сломаешь хребет правильному! Бабки доят и доят, — Бардаганов с тоской посмотрел куда-то вдаль, — а правильных на место поставить не могут. А Вениаминову скажешь, — он обратился к начальнику, почесывавшему лысину, — добавлю я ему штук двадцать к зарплате, пусть не переживает насчёт выбитых глаз. Пусть хоть головы им поотрывает — может, тогда угомонятся!

Он умолк и с ненавистью уставился в столешницу. С минуту все молчали, под потолком нагло и громко гудела муха.

— Еще один вопрос давно надо решить, — отозвался мужичок с залысинами. — Сырья уже много выкачали, надо воду заливать, много воды. Оседание пластов на пределе. Трясти со дня на день начнет, город ещё разрушит.

— Воду, воду! — рычал Бардаганов. — Где я возьму столько воды? С реки нельзя брать .... пока нельзя. С лесных озер трубу тянуть надо, а это далеко; опять деньги. Позже, подождем ещё.

— С лесных озер за месяц всё выкачаем, если не быстрее, из-за этого снова вой подымут. Озёра

исчезнут.

— Плевать! — взъярился Бардаганов и грохнул кулаком по столу. — Пусть хоть озёра, хоть что исчезнет к чертям собачьим! Нефть важнее всего! Это жизнь, это деньги! Ты согласен голодать из-за этих?.. Или ты? И я не собираюсь. Это моя буровая! Я плачу всем, кому не лень руку протянуть, и я буду решать, каким озёрам жить, а каким — нет!

3

Полночь. Тьма окутала притихший город и присмирившую, основательно вырубленную на подступах к новостройкам тайгу. Неясные звуки доносились со стороны спящих районов, подслеповато глядевших в ночь редкими освещёнными окнами, ухала в кронах ближайших к городу деревьев сова. Котиль с Васильевым шли по пустынной дороге, которая вела мимо гаражного кооператива к буровой. Встречный ветерок доносил до них вонь с отстойников, которая усиливалась по мере приближения. Тучи то набегали на урезанный ломоть луны, то плыли прочь, гонимые недовольным ночным ветром. Из тьмы звонко залаяла собака, отрабатывая свой хлеб, охраняя гаражи. Васильев, вздрогнув от неожиданности, стал уговаривать её хриплым голосом. Пошумев

для верности ещё некоторое время, собака угомонилась.

— Хватит, хоть? — спросил Васильев, дотрагиваясь рукой до сумки, висевшей на плече Котиля.

— Хватит, — ответил тот. — Петрович сказал, что штуки три — четыре должно хватить, а мы десять тащим. Будет им кордебалет.

— Не прорвёт?

— Не-а. Строительная пена, быстро застывает, потом только вырубать — вырезать надо. Всё это назад им польется. По-другому они не понимают. Только так. Скоты — они только скотский язык понимают. Человеческий для них — китайская грамота.

Не меньше получаса брели они то по пустырю, то по зарослям можжевельника с возвышавшимися над ним елями, пока труба с выгоравшим круглые сутки попутным газом не оказалась рядом. Приглядываясь, нет ли кого, они разглядели эстакаду трубопроводов в теплоизоляции. Пригибаясь, они пробрались под эстакадой и пошли вдоль отстойников. Здесь воняло так, что их чуть не стошнило. Впереди, под неверным светом луны, заросшая по берегам густым кустарником, матово блеснула гладь реки. Даже сейчас, в ночной полутьме, на воде были видны радужные разводы. Неподалеку по земле

тянулась сточная труба, подходившая к реке. Еще раз оглянувшись и прислушавшись, по гранитным валунам они подобрались к краю трубы. Котиль расстегнул сумку и достал баллон. Немного повозившись с колпачком, он нажал на кнопку, и темная масса с шипением стала извергаться на стенку трубы.

— Ну-ка, стоять! — рявкнул вдруг кто-то у них за спиной, и две фигуры быстро приблизились к ним.

— Это что такое? Руки подняли, чтоб я видел!

У одного из них было ружье. Другой включил фонарь и направил луч в лицо Котилю, который сощурился от резкого света.

— Спокойно, мужики, мы ничего такого не делаем.

— Я и вижу! А это что? Не делают они!

— Послушайте, вы все по уши в проблемах. Все, конец вашей лавочке!

— Это мы еще посмотрим, кому конец. Звони начальнику охраны.

— Я тебе говорю — никому не звони, иначе будешь соучастником!

— Не двигайся, я сказал!

Он вскинул ружье, молния прорезала тьму, сухой треск ударил по ушам.

— Мы нянчиться с вами не будем. Кишки выпустим — и в воду!

— В склад их до утра, — сказал второй, доставая телефон. — Там ворота железные, стены бетонные. Никуда не улетят, соколики!

— Вы не имеете права!

— Хочешь жить — пошли молча. А то мы тебе быстро объясним, кто имеет право, а кто нет.

— Вы совершаете преступление!

— И телефоны свои сюда, быстро!

Шрам на щеке Бардаганова побагровел, налился кровью. Все знали, что это отражение бури, которая пылала у него внутри, хотя внешне он выглядел спокойным. Все знали, что надолго спокойным он не останется.

Он хлопнул дверцей автомобиля и некоторое время стоял неподвижно, разглядывая мерно качавшийся насос, словно впервые его видел. Он был в футболке и джинсах, что на работу одевал редко. Футболка, обтянувшая его могучую фигуру, была плохо выглажена.

— Хотел хоть сегодня выспаться. Не дали.

Он неспешно двинулся в сторону склада. За ним семенили охранники в камуфляжной форме — короткий, приземистый, с двустволкой, и высокий, худощавый, с резиновой дубинкой на поясе. Бардаганов шёл, не разбирая дороги, шлепая кроссовками по грязи. Он спокойно ждал, пока, позвякивая ключами, отпирали дверь склада, лишь

шрам на щеке багровел всё больше. Войдя, он остановился и всмотрелся в темноту, затем прищурился от вспыхнувшего света.

— Это называется киднепинг, — громко сказал Котиль, который сидел, сгорбившись, на деревянном ящике.

— Чего? — удивлённо протянул Бардаганов.

— Киднепинг, похищение людей. Тянет лет на пятнадцать как минимум.

— Нет, — возразил Бардаганов. — Это называется кража с проникновением, нападение на охрану, угроза жизни людей. Или нет, ещё лучше: проникновение с целью террористического акта. Естественно, охрана защищалась. Двое озверевших придурков, обкурившихся или обпившихся чего-то. Что же с ними делать? Только так.

Неожиданно быстро он схватил один из деревянных брусков, которые стояли у контейнера с тронутыми ржавчиной запчастями. На ходу замахнувшись, он подскочил к Котилю и ударил. Тот едва успел прикрыть голову и вскрикнул от боли. Бардаганов с маху ударил ещё, затем тычком попал в живот, после чего угодил по голове. Котиль съехал с ящика и упал на колени, съёжившись в защите. Васильев, который тоже сидел на контейнере, поднялся, что-то растерянно бормоча. Охранники схватили его за руки, долговязый принялся лупить дубинкой куда попало. Васильев

заорал, заматерился, после чего стал уговаривать. Бардаганов, отбросив звонко грохнувший о бетонный пол брусок, стал бить кулаками. Котиль свалился на бок, скрутившись калачиком. Бардаганов с остервенением бил ногами, зашел со спины и бил по почкам; шрам его горел.

— Вот как решили, — прохрипел он, переводя дыхание, — все остановить, чтоб с голоду тут подошли! У меня четыреста человек работает! Что они есть будут? Что весь город жрать будет, если мы остановимся? Из-за таких, как вы!

Отдышавшись, он с отвращением сплюнул под ноги.

— Ты знаешь, сколько я задниц лизал, чтобы все это наладить? Сколько денег платил? Нет, я отважу вас отсюда! Любой ценой! Любой.

Быстро, словно сработал некий переключатель, он снова подскочил к Котилю, схватил его руку и, зарывчав, ударил ею о колено. Раздался громкий хруст, словно сломали сухую ветку; Котиль заорал, катаясь по полу.

— Ну-ка, где... — Бардаганов протянул растопыренную пятерню к охранникам и взял бутылку водки. Отвернув колпачок и швырнув его на пол, цепкими пальцами он схватил Котиля за челюсти и влил порцию ему в рот.

— Алкашня всякая лазит ночами по объекту! Житья от вас нет... Но этого мало, ребятки, мало.

Запомните на всю жизнь. Чего стоите? — обернулся Бардаганов к ещё двоим охранникам, которые переминались у двери. — Присоединяйтесь, научитесь жизни!

Те неуверенно подошли ближе. Тот, который моложе, судя по лицу, был покладистым. Послушным. Так надо, говорили его глаза. Надо подчиняться, набираться ума, иначе никак. Иначе окажешься на месте этих двоих. Станешь изгоем, который покушается на общественное, на святое. На основы. На фундамент жизни клана. А как без фундамента?

Старший и сам выражал готовность. Он уже кое-что повидал в жизни и знал, что своя рубашка ближе к телу. Гораздо ближе. А бунтовать — выдумки, бред витающих в облаках романтиков. Не наша затея. Нет, не наша.

Они потащили изгоев к реке. Васильеву досталось меньше, но стонал он громко, видя, что не шутят. Котиль рычал, плевался кровью и проклинал; рука его висела как неживая. Их столкнули в воду, сами зашли по пояс, притопили.

— Вот она, речушка, какую защищали! Напейся водички, какая маслянистая, что ж ты? — приговаривал Бардаганов, удерживая Котиля пятерней за рыжую шевелюру и окуная голову в воду. Радужные круги на источавшей тошнотворный запах воде весело сверкали в лучах

поднявшегося над тайгой солнца.

— Попил — и закусить можно, вон плавает, — кивнул Бардаганов в сторону, где белёсым брюхом вверх плавала килограммовая рыбина. — Смотри, какая аппетитная. Рыбу защищаешь — а людей не жалко, нет?

Голова Котиля снова и снова оказывалась под водой, после чего он кашлял и отплёвывался, тяжело дыша; белки глаз его налились кровью. Мышцы рук Бардаганова опять беспощадно напрягались, делая свое дело, словно поршни бесчувственной машины, движимые давлением раскалённого газа. Один раз он удерживал голову Котиля под водой особенно долго, но после короткой передышки голова его снова оказалась в грязной воде.

— Не придёте больше? — почти ласково спросил Бардаганов, отпустив Котиля, который едва стоял на ногах, хрипя и отплевываясь. — Нет, не придете. А если придете... Это будет последнее, что вы сделаете в жизни. Это я вам обещаю.

4

— Слишком поздно его привезли.

Профессор, нервно взъерошив седые волосы, озабоченно взглянул в окно и тяжело уселся в кресло. Рука его привычно потянулась за бумагами,

но, передумав, он раздражённым жестом бросил документ на край стола.

— Что там у них произошло? — спросил его заместитель, Андрей Михайлович, умащиваясь, как наседка в гнездо, в кресло у стола. Идеально белый, тщательно отутюженный халат его диссонировал с обвисшими щеками и залысиной на макушке.

— Пусть полиция разбирается, что там у них произошло. Нам надо думать, как спасти его. Концентрация этой гадости в его крови выше всякой нормы... Почки отказали, да еще побои, перелом руки... Его может спасти только одно.

— Как бы нам потом головы не снесли.

— А мне уже всё равно, — профессор со злостью взмахнул рукой. — Вам ещё нет? Ну да, вы ещё молодой. А я уже хочу примириться с совестью.

Некоторое время они молчали. В кабинет без стука, взволнованная, раскрасневшаяся, ворвалась сестра.

— Вы просили держать вас в курсе насчёт Котиля. Ему стало хуже, пульс двести, давление прыгает!

— Мы сейчас идем, — холодно ответил профессор.

Дождавшись, когда за сестрой затворится дверь, профессор сказал:

— Ну вот, началось. Я думал, у нас есть время

до завтрашнего дня. Получается, что нет. Идите, готовьте всё.

— Вы уверены?

— Иначе он умрёт.

— Надо получить согласие родственников...

— Вы с ума сошли? Во-первых, он успеет умереть, а во вторых... сами знаете. Какое тут согласие!

— Тогда напишите хотя бы письменное распоряжение...

— Будет вам распоряжение, черт вас возьми! — вспыхнул профессор и треснул ладонью по столу. — Идите, человек умирает, а у вас одни распоряжения на уме!

5

Выздоровление Котиля произошло удивительно быстро. Не прошло и двух недель, как его отпустили из НИИ, хотя он ещё чувствовал недомогание и боль в поломанной руке. В течение этого времени ему дважды на дом приносили повестку из полиции.

Вика, его жена, недоуменно глядя на повестку, твердила, что он болен и придти не может. «Несите справку» — холодно отвечали ей дважды, и она носила. В третий раз посыльный, раздражённо хмыкнув, произнес:

— Слушайте, он у вас всю жизнь болеть будет? Он настолько болен, что не дойдёт до горотдела?

— Всю жизнь или нет, а человек болен, — изумленно отвечала Вика.

— Вы понимаете, что наше терпение не бесконечно? Понимаете, что он играет с огнём?

— С каким огнём? В каком смысле? Он пострадавший, а вы ещё и...

— Какой пострадавший? Он — обвиняемый в серьёзном преступлении!

— Как обвиняемый?

— А вот так.

— Да в чем его обвиняют? Его избили до полусмерти, заставили нахлебаться всякой дряни!..

— Пусть берет ноги в руки и по повестке явится, когда там написано.

— Он еле ходит, ему плохо...

— Пусть не симулирует.

— Что вы себе позволяете?

— Не придёт, пусть пеняет на себя.

В назначенный день Котиль пошел в горотдел. Несмотря на указанное в повестке время ему пришлось ждать больше часа. Когда он затворил за собой дверь кабинета и присел на скрипнувший стул, обитый отполированным до блеска дерматином, начальник горотдела, майор Мурдяков, недовольно обронил:

— Ну, наконец-то.

— Что значит наконец-то? Я сижу целый час...

— Наконец-то вы явились, гражданин... Котиль. Мы уже хотели за вами опергруппу присылать.

— Какую опергруппу? С какой радости?

— Как с какой? Вы обвиняетесь в преступлении.

— Что вы несёте? Какое преступление? Меня избили...

— А чего же вы ждали? Вы проникли на предприятие с целью осуществить террористический акт, избили двоих охранников, которые хотели вас задержать, и удивляетесь, что они защищались?

— Они не защищались! — Котиль почти кричал, лицо его покраснелось. — Бардаганов избивал меня деревянным брусом, а потом поломал руку о колено!

— Перестаньте орать. У меня есть заявление охранников, все побои сняты, протоколированы.

— Их никто не бил!

— Ага, они сами мордами о стены бились. Кроме того, при вас была взрывчатка.

— Какая к чёрту взрывчатка?

— Полтора килограмма в тротиловом эквиваленте.

— Что?

— Где вы её взяли?

— У меня не было никакой взрывчатки, что за бред!

— У кого вы её купили?

— Я...

— Отказываетесь отвечать? Значит, вы изготовили её сами. Значит, готовились к теракту заранее.

— С ума сойти, — медленно проговорил Котиль, глядя в бегавшие глазки майора. — Сколько тебе заплатил этот урод?

— Выбирайте выражения! — глаза майора метнули искры, он весь напрягся, но затем, успокоившись осознанием собственной власти, снова расслабился. — Положение ваше и так незавидное, а вы ещё на рожон лезете.

Котиль глядел в пол казённого заведения, не зная, что ответить, понимая бесполезность каких бы то ни было доводов. Глубоко вздохнув, он заставил себя сосредоточиться, понимая, что дело принимает серьёзный оборот.

— Вы можете отделаться лёгким испугом, — продолжал майор с рычанием в голосе. — А можете.... — он многозначительно, медленно положил ладонь на какие-то бумаги и постучал по ним крепкими пальцами. — В общем, я не буду тянуть резину. Некогда мне... Вы журналист,

грамотный, в смысле... Всё прекрасно понимаете. Мы не дадим делу ход, если вы утомитесь. Если не станете больше совершать противоправных, я бы сказал даже — антиобщественных поступков. Все документы будут лежать и ждать, когда вы выкинете очередную глупость. Тогда уж не обессудьте. Вам всё понятно?

— Да.

— Ну, наконец-то. Вообще у нас правосудие гуманное — прощать такие преступления. Хорошо, что избитые охранники зла на вас не держат. Скажите спасибо. Люди у нас добрые, хорошие. Вы согласны со мной? Всегда поймут и поддержат, если человек оступился.

Он вещал монотонно, словно убелённый сединами, давно уже равнодушный к своему занятию лектор на кафедре; пальцы его время от времени постукивали по бумаге. Эмоций за пределы начинавшей заплывать жиром маски лица он не выпускал — сказывалась многолетняя привычка.

Котиль почувствовал, что ему стало тяжело дышать. Он сделал глубокий вдох, но воздуха всё равно не хватало. Он замечал за собой такое уже несколько раз с того дня, как его выписали из НИИ, и объяснял это неполным выздоровлением, слабостью после перелома и отравления.

— Что с вами? Вам плохо? — равнодушно

спросил майор не для того, чтобы помочь, а для приличия. «Сбросьте его в пропасть», — мог бы велеть таким тоном какой-нибудь всевластный кровавый диктатор.

— Ты что, с перепою? — вёл дальше начальник полиции, изменив тон, почувствовав, что можно уже фамильярно и даже грубо; в голосе его слышалось презрение. — Смотри, вырвет тебя тут, в кабинете. Убирай потом за тобой. Иди, иди на воздух, ты мне больше не нужен.

— Что тебе сказали в полиции? — спросила Вика, гремя на кухне кастрюлями, время от времени помешивая варившуюся кашу. Она была на десять лет моложе Котиля, короткая модная стрижка, ироничная нервная улыбка, уже прочно въевшееся в поведение, в жесты недовольство жизнью. Домашний халат подчеркивал её стройную фигуру.

— Чтоб не дергался, сказали.

— Ну, вот видишь, и я о том же. Будешь правды добиваться — только голову расшибешь. Почему бы не жить, как все люди, хотя бы после того, что произошло! Нормально жить, завести ребенка...

Она утерла слезу, схватила полотенце и стала с остервенением тереть руки, словно они были в мазуте и обычному мытью не поддавались.

— Послушай, Вика, ты же знаешь...

— Знаю, знаю, никто ни в чем не виноват.

Просто бог не дает, и все тут...

Она швырнула полотенце на тумбочку, с вымученной улыбкой подошла к Котилю, сидевшему на табурете за обеденным столом, взьерошила ему волосы и прижала голову к груди. Забудь, все забудь, говорил весь её вид, нежные руки, мягкая грудь. Ничего не было, ни избиений, ни экологических катастроф, ни отравления людей. Мир катится в одному Богу известном направлении, катится со скрежетом, скрипом, треском, неуклюже, но мощно, с огромной, накопленной столетиями инерцией. И не стоит пытаться остановить его, иначе он раздавит тебя, как букашку, и никто этого не заметит. Живи как все, тихо и спокойно, подстраиваясь под это неуклюжее, но грандиозное движение, не высовывайся, пригибайся. Полезно даже вообще забыть, что ты человек, существо, наделённое разумом, чувствами. Стань животным, чтобы выжить, просто маленьким зверьком, который не протестует, виляет, лавирует среди жизненных бурунов и скал. Постарайся быть там, где не штормит, где равнодушно, тупо выполняя приказ, не придавят к земле сапогом.

Через пару недель, вечером, когда на дворе моросил мелкий дождик, и листва на деревьях едва

заметно трепетала, принимая живительную влагу, Вика, вопросительно и с едва сдерживаемым восторгом глядя ему в глаза, сказала, что беременна. Он целовал ее в лоб, говорил, чтоб берегла себя, не поднимала ничего тяжелого. На душе у него царил неразбериха, тоска опустилась на сердце и давила, не впуская ни йоты радости. Такой долгожданный ребенок, а теперь он может стать помехой в жизни, перспективы которой покрылись туманом.

— Ты плохо выглядишь, — не в первый раз говорила она, — у тебя какой-то серый цвет лица, что с тобой? Ты еще не выздоровел?

Он шел в ванную, закрывал за собой двери, глядел в зеркало и убеждался, что лицо его и правда посерело. И не только лицо, но и кожа рук, ног приобрела какой-то угрожающе — сероватый оттенок, а рыжие волосы побледнели, словно подёрнулись некоей коростой, болячкой, неизвестной науке. Всё это не проходило, а, казалось, наоборот усугублялось.

На следующий день он брел из магазина, сжимая в руке пакет с хлебом и кефиром. Возле почты, где надо было поворачивать к своему дому, он снова почувствовал удушье, еще более сильное, чем раньше. Неподалеку на обочине стоял «Ниссан»; двигатель тихо работал, из выхлопной трубы вился едва заметный дымок. Сам не зная, что

делает, повинуюсь довлеющему внутреннему чувству, он подошел к машине со стороны багажника и стал делать глубокие вдохи. Ему стало легче. Не замечая ничего и никого вокруг, как алкоголик, почуявший запах спирта, он присел над выхлопной трубой и вдохнул. Удушье, охватившее было его, стало проходить. Мало того, чем больше он дышал угарным газом, который казался ему едва ли не сладким, каким-то новым, раньше неизвестным наслаждением, тем сильнее чувствовал забытый со времен юности прилив энергии. Мышцы его наливались силой, зрение, подпорченное бдением за компьютером, обострялось, позвоночник превращался в стальную рессору, которая готова была к любым нагрузкам. В локтевом суставе левой руки, которая была поломана и некоторое время обездвижена, прошла назойливая боль.

И лишь на краю сознания возникала озабоченность: что с ним происходит? Что с ним сделали, если он был безнадежен, но выжил, а теперь вместо чистого воздуха предпочитает яд выхлопных газов?

Он едва услышал, не придав этому значения, как мягко хлопнула дверца автомобиля. Краем глаза в полуметре от себя увидел он синие дорогие кроссовки немаленького размера.

— Ты что это вытворяешь? — услышал он раздраженный и презрительный бас. Вслед за этим

харкнули, и большой плевком ляпнул на асфальт совсем рядом с ним. — Ну-ка пошел вон отсюда!

— Извините, я ничего такого не... — пробормотал Котиль, собираясь уходить, и делая последний, такой сладкий вдох.

Кроссовок вдруг оторвался от асфальта, и рифленая, забитая грязью подошва обрушилась ему на лицо. Он упал, на мгновение ослепнув от гнева и выронив пакет с продуктами.

— Токсикоман чертов! Чтоб я не видел тебя возле своей машины! Горбатишься на неё на буровой, а тут всякая падаль...

Котиль медленно поднялся, утирая выступившую из носа кровь. При слове «буровая» гнев заполнил его без остатка, в голове что-то взорвалось, размолотив в пыль остатки здравого смысла. Он шагнул к машине и с диким ревом всадил ногу в заднюю дверцу, на которой осталась изрядная вмятина.

— Ах ты ж... — захлебнулся гневом владелец «Ниссана» и решительно, с пылавшим лицом, сверкая зрачками, шагнул к Котилю. Приблизившись, он замахнулся судорожно сжатым кулаком. Котиль видел всё словно в замедленной съемке.

Удивляясь, как легко это у него получается, он быстро перехватил руку соперника и двинул его коленом в живот, после чего ударил кулаком в

лицо. Не ожидая от токсикомана такой прыти, владелец иномарки согнулся и попятился, бессильно и жалобно крикнув. Через долю секунды Котиль снова был возле него, опять ударил, не контролируя себя, словно подчинялся посторонней воле. Нефтяник неуклюже свалился на асфальт, инстинктивно прикрываясь руками.

Только сейчас Котиль огляделся. Пожилая женщина что-то причитала себе под нос, стремясь побыстрее уйти. Двое худых, как спички, подростков глядели с интересом и даже с нескрываемым восторгом — такое представление, как избиение человека, увидишь в жизни не часто; то ли дело на экране — сколько угодно. Котиль почувствовал, что к нему возвращается нормальное восприятие вещей, естественное течение времени. У него снова появилась одышка, на этот раз легкая, словно легкое похмелье, последствие вчерашней неумеренности. И его снова потянуло к выхлопной трубе заведенного автомобиля.

Он присел, не обращая ни на кого внимания, и принялся дышать угарным газом. Как и в первый раз, ему тотчас стало легче, в голове прояснилось, в теле забурило энергия. «Что за черт?» — подумал он, подобрал пакет с продуктами и пошел, понимая, что пора отсюда убираться.

— Господи, что с тобой? Куда ты опять влез? — причитала Вика, с беспокойством рассматривая его. — Что у тебя на лице? Ты все больше сереешь, что с тобой? А руки... Тебе надо немедленно к врачу!

Несмотря на тревогу, она выглядела милостивой, похорошела за последнее время, черты лица округлились, в глазах появился таинственный блеск. Котиль, молча разувшись, пошёл в ванную, где уставился в зеркало. На него смотрел незнакомец. Рыжеволосый парень с задорными глазами и упрямыми складками губ куда-то исчез. Вместо него в зеркале отражался какой-то монстр с серым, мышинового оттенка лицом, погрубевшей кожей и темными мешками под глазами. Носогубный треугольник был вымазан какой-то буровато-серой жидкостью, и он не сразу понял, что это такое. Когда до него дошло, он испугался не на шутку.

«Кровь! — пронеслось у него в голове. — Это кровь! Почему она такого цвета? Что со мной?

— Что ты молчишь?! — закричала Вика, воплощенным укором застыв у полуоткрытой двери. — Ты думаешь только о себе! У нас скоро ребенок будет; до чего ты довел себя! Немедленно иди к врачу!

На следующий день он отправился в

поликлинику. После короткого осмотра озабоченный молодой доктор, нервно теребивший трубку стетоскопа, соорудил задумчивую мину и направил его на обследование. Котиль видел, что толком никто ничего сказать ему не может.

Его положили в больницу. У него брали анализы, какие только можно, делали кардиограмму и рентген. После одного доктора пришел второй, после чего явился целый консилиум. На Котилья смотрели, как на инопланетного монстра, который только что сошел с летающей тарелки, переговаривались с серьезными лицами, что-то решали, сосредоточенно кивая. Он молчал, нутром чувствуя, что спрашивать бессмысленно, лежал и глядел в потолок. В спёртом воздухе палаты, где разместили еще двоих пожилых сердечников, он чувствовал себя лучше, чем на улице. Когда сестра открыла форточку, чтобы проветрить, он с ужасом посмотрел на неё, словно она впустила некоего невидимого, но злобного джинна, угрожавшего его жизни.

— Закройте, пожалуйста, — почти негодуя выдавил он из себя и закашлялся.

— Здесь дышать нечем, для выздоровления нужен свежий воздух, — назидательно и твёрдо заявила сестра, зная, что только так можно воздействовать на привередливых пациентов.

— Какой ещё свежий воздух! — взорвался

Котиль. — Закройте, я вас прошу!

— Правда, дышать нечем, — отозвался один из больных слабым старческим голосом, заворочавшись в скрипнувшей на разные лады кровати.

— Закройте! — страшно заорал Котиль, тяжело вдохнул и выпучил глаза. — Воздух, воздух... к чёрту ваш воздух!

Сестра с грохотом притворила форточку и быстро вышла из палаты; грубости уже готовы были сорваться с ее губ. Пенсионер еще поворочался в постели и проскрипел:

— Молодой, а такой привередливый. В отдельную палату, если такие... требования!

Котиль молчал. Он поглядывал на форточку, словно на чудовище, посаженное на цепь до поры до времени. Четких мыслей в его голове не было, вместо них роились обрывки странных фраз, которых раньше, при молодой и здоровой жизни, он не замечал. Он с ужасом осознавал, что форточкой всё не закончится, а со временем будут возникать новые угрозы, ему станет хуже, и что-то с этим надо делать. Он думал о выхлопных трубах автомобилей, о сладком угарном газе, о приливе сил, который он приносит.

— Чего молчишь? — не желал успокаиваться пенсионер, восприняв молчание молодого строптивного пациента как знак раскаяния. — Ты на

себя в зеркало посмотри — какой серый весь! Это от несвежего воздуха, — с апломбом истины в конечной инстанции, не принимая возражений, вещал он. — Свежий воздух, — он назидательно воздел указательный палец, — хорошее питание, физический труд — самое главное. До чего ты себя довел в такие годы? Куришь, небось, как паровоз?

«Точно — курить, — подумал Котиль, — будет легче».

Он никогда не курил, так, пробовал в детстве, позже баловался по пьянке. Но сейчас он вдруг понял, как это люди курят, и почему не могут или не хотят избавляться от этой привычки. Он представил, как подкуривает, затягивается, как горячий дым врывается в легкие, проникает в кровь, в каждую клетку тела, принося наслаждение и рождая силу.

— Сейчас молодежь вся курит и пьёт, — отозвался второй старик с обвисшими щеками и подрагивавшей от нервного тика головой. — Испаскудились, порядка нет.... У меня сын умер. Заболел и умер. А что ж — бездельничал, курил да пил, на работу идти не хотел, вот и умер. На буровой вон зарплата хорошая, стабильная; иди, работай и живи, как человек! А он — вкалывай, говорит, там, как раб. А что ж — просто так деньги дают? И пропала жизнь.

— Да, на буровой хорошо платят, —

согласился первый. — Начальник буровой, Бардаганов, молодец, дисциплину держит.

— Да весь город буровая, считай, кормит.

— Так и есть.

— А эти, активисты всякие, протестуют, чтоб закрыли.

— Чтоб люди без работы сидели!

— Враги народа, иначе не скажешь.

— На деньги тех, понятно откуда...

— Сейчас поразводилось сволочей всяких...

— Давить надо, порядок нужен!

— Расстреливать, как при Сталине!

— Был порядок, была страна! А сейчас...

— Но Бардаганов не даст!

— Шею любому свернет!

— Не попустит!

7

У профессора с утра побаливала голова, он был хмур. Большие, покрытые возрастными пятнами руки он сложил на столе, глаза глядели то на бумаги, то мимо Котиля, сидевшего в кресле по другую сторону стола.

— Я знаю, что это всё не просто так, поэтому не врите мне.

Котиль посмотрел профессору в глаза. Тот поднялся и отвернулся к окну, опустив руку в

карман белоснежного халата.

— Мы спасли вам жизнь, — медленно проговорил он, не поворачиваясь.

— А стоило ли, профессор?

Тот обернулся, укоризненно взглянул на посетителя и снова сел.

— Вы так легкомысленно относитесь к собственной жизни! — повысил он голос. — Конечно, стоило! В любом случае — стоило!

— Так что же со мной? Это какой-то эксперимент?

— Я не имею права говорить об этом.

— Я подопытный кролик?

— Я уже говорил — вы были обречены.

Слишком сильное отравление, ничего сделать было нельзя.

— Но что-то же вы сделали?

— Мы спасли вас. Мы можем поддерживать вашу жизнь и дальше.

— Каким образом?

— Вы должны лечь к нам в институт.

— Я не хочу никуда ложиться! Скажите, что со мной, как мне жить дальше?!

Профессор помолчал, глубоко задумавшись, затем тихо произнес:

— Подробно я говорить не могу... так, в двух словах, но всё должно остаться между нами. Я постараюсь вам помочь. У вас были сильное

отравление, эта гадость, проникнув в кровь, поразила все организм. Жизнь при такой стадии... Было два пути: или умереть, или... Поменять вашу сущность.

— Что это значит?

— Приспособиться, изменить основу жизнедеятельности организма. На молекулярном уровне. Теперь для вас основа жизни — не кислород, не гемоглобин в крови, а углеводороды. Для дыхания вам нужен не чистый воздух, а смесь с газами — угарным, метаном. Для питья чистая вода не подойдет — раствор нефти, мазута, бензина. Вам придётся жить в новом мире — мире экологической катастрофы, загрязнения. Без этого вы будете слабеть, вам будет плохо. С избытком же углеводов вы, наоборот, станете сильнее, жизнеспособнее, процессы в организме ускорятся, обмен веществ ускорится, мышцы получат дополнительный тонус, органы чувств обострятся. Это примерно как у обычного человека, который подышит кислородом или примет наркотик. Но злоупотреблять этим не стоит — бурные процессы, принося сиюминутную выгоду, станут отбирать жизнь. Вы быстрее состаритесь.

— Чёрт возьми...

— Поэтому вам будет лучше у нас. Мы обеспечим благоприятный режим....

— Дадите немного подышать дымком... Мне

тридцать пять, профессор! У меня жена, у нас скоро будет ребенок!

Профессор озабоченно взглянул на него. В его умных глазах Котиль уловил жалость, боль, или это только показалось ему? Несколько минут они молчали. Котиль не стал спрашивать, не торопил события, хотя ему не терпелось разрешить неопределенность, повисшую в воздухе.

— Всё, что я вам сказал, не должна знать ни одна живая душа.

— Конечно, я буду тайным уродом. Об этом не узнает никто! Стоит только взглянуть на меня...

— Вам лучше остаться у нас.

— Скажите, это можно вылечить? Можно вернуть мне нормальный цвет кожи, по крайней мере?

— На данный момент... Но если вы останетесь...

— Понятно. Я буду темнеть всё больше? Что вообще будет дальше?

— Этого не знает никто.

Помолчав, уперев тяжёлый взгляд в пол, Котиль спросил:

— Что с ребенком, который родится?

Профессор тяжело вздохнул, нервными пальцами взял карандаш и постучал им о стол.

— В этом тоже для вас мало хорошего...

— Говорите, чего уж там.

— Какой срок у жены?

— Маленький. Все произошло после моего так сказать выздоровления.

— Он может родиться таким же, как вы. Если не хуже.

— Господи!.. — Котиль обхватил голову и сжал ее до боли. — А жена?..

— Есть вероятность, что и с женой тоже не всё будет в порядке.

8

Профессор не слышал, как в кабинет вошел его заместитель, Андрей Михайлович, настолько мягкими были его шаги и тихими движения. Как-то странно сутулясь, словно стараясь быть незаметным, с оробевшим видом он подошел к столу и пригнулся, стараясь привлечь внимание глубоко задумавшегося шефа.

— Профессор, я стучал, а вы не ...

— Да?

— Так значит, у нас всё даже лучше, чем ожидалось. Я видел его в коридоре.

— Да, лучше. Не знаю только, радоваться этому или...

— Ну что вы, конечно радоваться! Ведь это же переворот в науке! Это феноменально! Он — самый удачный экземпляр; все эти бомжи и алкаши

— ерунда! Мы создали нового человека, человека будущего!

— Вы думаете? И это — человек будущего?

— Ну, мало ли что будет в будущем, кто знает. По крайней мере, уже сейчас тем, кто работает на вредном производстве, военным, можно привить способности....

Профессор сурово взглянул на него.

— Вы бы сами на себе испытали это? Или на своих детях?

— Профессор, ну зачем мне?.. Ведь можно продолжить работу, найти способ контролировать процесс, сделать его умеренным. Финансирование будет продолжено, вам дадут Нобелевскую премию! Но его — он указал рукой в неопределенном направлении — надо оставить в институте.

— Послушайте, что вы несёте? Это человек, а не лабораторная мышь, у него жена, скоро будет ребёнок!

— Ребенок? Вы представляете, что это значит? Ребенок! Профессор, ну не смотрите на меня волком, разве я виноват? Не я же сделал им ребенка... — он негромко захихикал.

— Это разрабатывалось как способ помочь людям, а теперь выходит...

— Надо немедленно звонить в...

— Да вы что, не понимаете?

— Я всё, всё понимаю.

Андрей Михайлович, коротко попрощавшись, вышел из кабинета начальника и поспешил в свой, этажом ниже. С вороватым видом заперевшись на ключ, он снял трубку и набрал номер.

— Я так и знал, что он станет упрямиться. Старый осёл! Это эмоции, всё, не буду больше; он, конечно, светило, но вы же сами понимаете! Мы не можем... да, не можем жертвовать таким достижением ради упрямства одного, пусть даже выдающегося человека. Да, вы сообщите, куда следует, а я буду здесь готовить почву.

9

Человек пятнадцать жильцов стояло у подъезда, переминаясь с ноги на ногу, гомоня и выкрикивая гневные фразы. В центр образованного людьми полукруга вышла представительная женщина средних лет, в цветастой блузке. Она размеренно, но решительно цедила слова, обдумывая каждое выражение.

— Если он больной, так пусть лечится, — твердила она, находя полное одобрение у собравшихся, — мы-то здесь при чём. Мало того, что он пугает своим видом детей — так ещё и нюхает что-то! Мало посторонних наркоманов — шприцы в подъезде каждый день валяются, — так

ещё свои завелись!

— Он же скоро весь дом взорвет! — со злобой вторила ей старушка с палочкой, в огромных очках на переносице. — Газу недавно напустил; дышал он им, или что, а несло на весь подъезд! А еще журналист! Такие журналисты сейчас...

— Заявлять надо, и в милицию, и в ЖЕК, — подхватил видный мужчина в отглаженных брюках и светлой рубаше с коротким рукавом. — Ставить на место надо! Надоело уже! Поразводилось нечисти...

— А вот и он, лёгок на помине, — анонсировала представительная женщина в центре круга.

Котиль вышел из-за угла дома и направился к подъезду. Когда он подошел, разговоры смолкли, и на некоторое время воцарилась тишина.

— Можно вас на минутку, — сказала представительная женщина.

— Что? — спросил Котиль, остановившись и угрюмо глядя на людей.

— Мы хотим узнать у вас, сколько это будет продолжаться.

— Что продолжаться?

— Вы представляете угрозу для общества.

— Представляю угрозу не я, а вон! — рывкнул вдруг Котиль и указал рукой в сторону, где за городом была буровая.

— Что — вон?

— Буровая и прочее, — сквозь зубы процедил Котиль.

— Что — буровая?

— Буровая нам газу в подъезд напустила?

— Буровая костры на балконе жгла? Мы думали — пожар!

— Буровая детей нам пугает?

Котиль почувствовал опустошение и бессилие. Отчуждение людей, их нежелание видеть дальше своего носа, хоть и было ему не в новинку, он всегда воспринимал тяжело.

— Вы что, идиоты? — пробормотал он и пошёл в подъезд, не слушая возмущённых возгласов.

Выйдя в коридор квартиры ему навстречу, Вика мирно спросила:

— Ну что, устроили тебе экзекуцию?

— Да пошли они...

— Что тебе сказали в больнице?

— Ничего хорошего.

— Что? Так что же с тобой? Боже, какой у тебя вид... Будут же лечить, что-то делать?

— Это неизлечимо. Надо мной проводили эксперимент... хотя этим спасли жизнь. Я их не виню.

— Что? Какой эксперимент? Да что же, что, объясни толком!

Она побледнела, разволновалась, но тотчас, помня о ребенке, постаралась взять себя в руки.

— Ничего, прорвёмся, всё будет нормально! — успокаивал её Котиль, сбросив кроссовки и пройдя в комнату.

— Я и вижу, что нормально! Говори уже, как есть! — жёстко заявила Вика. Волосы её разметались, черты лица обострились, она стала похожа на фурию.

— Дай воды.

Он бессильно уселся на диван. Она принесла воды, он медленно отпил пару глотков, и, почувствовав тошноту, поставил стакан на журнальный столик.

— Что за вода... Ерунда какая-то, а не вода...

— Очищенная вода!

— Вот именно, что очищенная...

— Говори уже, потом будешь носом крутить.

— Генетические мутации и прочее... Я становлюсь монстром, — почти весело выдал он.

— О, боже мой... — пробормотала Вика и уселась в кресло. — А ребёнок? — догадка молнией ворвалась ей в голову, она испуганно прикрыла ладонью рот, в глазах заблестели слезы.

Котиль сидел неподвижно, глядя в одну точку, и не знал, что сказать. Выложить ей всю правду, зачем же обманывать, вывалить вот так сразу, добить её окончательно!

Но она всё поняла и сама. Мысли, ускоренные стрессом, со скоростью электрических разрядов метались у неё в голове, и в доли секунды она увидела всё, всё: устрашающе серый, или ещё какого-нибудь неестественного цвета ребенок, выходящий из её чрева, испуганные возгласы медсестёр, обморок у кого-то. А она сама? Надолго ли сохранится её молодой цветущий вид, если это у неё в крови, в мозгу, везде!

— Господи... У тебя даже кровь серая...

Она заплакала, горько, тихо, почти бесшумно. Котиль делал неуклюжие попытки её успокоить, утешить, понимая, что утешения нет. Говорил, что ещё точно ничего неизвестно, всё пройдет, и с ребёнком все будет нормально. А он — что он, и у него пройдёт; а если нет — она ещё молодая...

— Какая я молодая! — закричала она сквозь слёзы. — Вся жизнь — коту под хвост! Говорила я тебе, сколько раз говорила! Не лезь, не лезь, не связывайся с этими.... Нет, упрямый, как осел! Правдоискатель нашелся! Теперь-то хоть понимаешь, что лбом стену не прошибёшь?! Понимаешь или нет? Не трогай меня, уйди, знать тебя не хочу!

Позвонили в дверь, но никто открывать не спешил. Котиль подумал, что это соседи, снова пришли бросать упрёки, защищая свой образ жизни, свое медленное загнивание в этом болоте,

жирок, накопленный годами, и мысленно, закипая злобой, посылал их куда подальше. Но звонки не прекращались, а после в дверь стали стучать, сильно и уверенно, и он, убедившись, что непрошенные гости там просто не отвяжутся, побрел в коридор.

На пороге он увидел работников полиции, в форме, с санкцией на его арест. Он не удивился, не испугался, только с вызовом, угрюмо спросил: «За что?» «За избиение человека». Он не сразу понял, что они имеют в виду, а потом вспомнил нефтяника, который сидел на асфальте возле своего «Ниссана» с помятой задней дверцей, и утирал с лица кровь.

— Обувайтесь, — скомандовал старший. — Да не надо, — остановил он подчинённого, собиравшегося надеть на Котилу наручники, — не туда ж везем.

— А куда? — осведомился Котиль, завязывая шнурки кроссовок.

— Там увидите.

Дороги в городе не отличались качеством, в зарешечённом фургоне сильно трясло, но Котиль не обращал на это внимания. Он снова спросил, куда его везут, хотя ему было безразлично. Что-то тревожное чувствовал он сердцем, какие-то несуразные, неопределённые видения вставали перед глазами. Странное чутье появилось у него,

настороженность, чего раньше не было, словно у зверя, вынужденного выживать в суровых условиях. Ему вспомнились слова профессора о том, что мышцы его станут сильнее, чувства тоже обострятся, когда он будет вдыхать какой-нибудь дым, какую-нибудь гадость, что почти заменит теперь для него воздух.

— Куда вы меня везёте? — переспросил он громче, перебивая гудение двигателя.

— Не в обезьянник, не переживай. Хотя могли бы. А так — в научно-исследовательский, — старший с ироничной важностью поднял палец. — Скучно тебе там не будет, и жену тоже привезут.

— Что?! — рявкнул Котиль.

— А ты думал как? — рассуждал старший. — С такими рожами будете всем семейством по городу бегать?

Котиль привстал с отполированной задницей сотен задержанных лавочки, но тотчас снова сел. Его везут на исследования, будут держать взаперти, как лабораторную крысу, и Вику тоже! Над ними будут ставить опыты, и над его женой, над его будущим ребенком. Наверняка к этому подключатся военные — они не упустят случая выдать из этого что-то для себя, что даст им шанс получить машину истребления, какого-нибудь сверхчеловека с одурманенными мозгами и железными мышцами. И плевать они хотели на кого

бы то ни было!

Он представил себе лабораторию, его облучают, проверяя на устойчивость к радиации, заставляют сутками выполнять упражнения, выявляя выносливость, принуждают проходить тесты — с какой эффективностью он сможет убивать себе подобных. Всё, всё во благо отечества, горы трупов на пользу народу, и этот самый народ, зомбированный до последней клетки мозга, орущий от радости при виде этих трупов, твердящий славословия власти, бросающей подачку, как собаке кость.

— Что у тебя в машине так бензином воняет? — спросил водителя старший.

— Да... карбюратор делал недавно, надо опять посмотреть.

— Привезём задержанного обкуреного всего — он весело засмеялся.

— Он же сам нюхает что-то.

— Ну, как раз в тему, нормально.

Котиль давно слышал запах бензина, и его дыхание участилось само собой. Но теперь он осознанно стал делать полные вдохи, наслаждаясь и чувствуя, как в тело вливается энергия. Вместе с энергией в нём ощутимо, вызывая дрожь всего тела, нарастало едва сдерживаемое им бешенство. Жизнь его рушилась; его борьба, самоотверженность, честность и пренебрежение опасностью оказались

напрасными. Мало того, всё, с чем он боролся, что ненавидел всеми фибрами души, теперь стало для него жизненно необходимым. Он становится монстром, который погибнет, дыша чистым воздухом, употребляя чистую воду, принимая обычную пищу. Теперь ему нужна экологическая катастрофа в прямом смысле слова, катастрофа масштабная, безудержная, для нормальных людей ужасная.

Это завело его, породило бешенство, какого он ещё не испытывал. Это уже не было бешенство человека, придавленного обстоятельствами, но бешенство бессловесного зверя, который почуял нож мясника и ощутил при этом не сводящий судорогой страх, а неумный прилив сил и желание подороже продать жизнь. Запах бензина, сочившийся внутрь автомобиля из-за неисправности в двигателе, придавал ему сил.

С рычанием он вскочил, ударившись головой о потолок, но почти не обратил на это внимания. Сконцентрировавшись, он ударил ногой в запертую дверь. Дверь загудела, застонала и подалась наружу; металл деформировался уже после первого удара. Он ударил снова, и дверь подалась сильнее, он всадил ногу возле стенки, где была дверная петля, и здесь тоже произошла подвижка. Он снова бил, быстро и сильно, не обращая внимания на выкрики полицейских, зная, что надо спешить, что

у них есть оружие. Машина остановилась, прижавшись к обочине, когда замок сломался и одна из створок со скрежетом и скрипом распахнулась. Он знал, чувствовал, в какую сторону бежать — туда, где из машины выскочил полицейский с одной резиновой дубинкой, без пистолета. Тотчас столкнулись они у бокового крыла машины. Словно в кино при замедленной съемке замахнулся полицейский дубинкой. Котиль видел его глаза, которые непроизвольно расширились от страха, видел покрасневшее лицо. Он схватил его за руку прежде, чем дубинка опустилась ему на голову, другой рукой вцепился в горло и грохнул головой о машину, после чего бросился бежать к ближайшему дому. Ноги несли его так, словно в них вселился дьявол. Он услышал позади себя выстрел, но даже не пригнулся и не вздрогнул при его сухом треске, разорвавшем воздух. «Предупредительный», — констатировал он, заранее зная это, без подключения логики; он был уверен, что успеет забежать за угол.

10

Котиль знал, что так просто его не оставят. Неизвестно, какой урон здоровью нанёс он полицейскому — силы он не соизмерял, и удар о машину получился неслабым. Это наверняка

разъярило остальных не на шутку. Не могли они допустить, чтобы задержанный сбежал, да еще из запертой на замок специальной машины. Это выходило за всякие рамки, и он теперь, без сомнения, вне закона.

Но он не чувствовал ни угрызений совести, ни отчаяния ввиду незавидного своего положения. Его злоба на происходившее, его бунт достигли критической точки, и он не искал уже пути назад, даже если бы он существовал.

Забежав за угол, он оказался во дворе длинной девятиэтажки с припаркованными у подъездов чисто вымытыми автомобилями, с детской площадкой посередине, проржавевшие горки на которой щетинились опасными краями. Скрыться здесь было негде, до следующего угла было слишком далеко, и он сразу понял, что надо бежать в один из подъездов. Но все они были закрыты на кодовые замки или оборудованы домофонами. Голова его, или что там сейчас её заменяло, работала быстро, словно процессор компьютера. Не потратив лишнего мгновения, он подбежал к ближайшему подъезду, подпрыгнул, уцепившись руками за козырёк навеса, подтянулся, вспомнив, как в юности упражнялся на турнике, и в доли секунды оказался наверху. Удивление и радость оттого, что так легко даются ему сложные упражнения, охватили его; он словно помолодел

лет на двадцать.

Переступив через разбросанные пивные бутылки и сигаретные пачки, он сходу двинул ногой оконное стекло. С громким, выказывающим его, Котиля, звоном стекло рассыпалось на кусочки, но с этим он ничего не мог поделать. Проникнув рукой внутрь и повернув ручку замка, он толкнул раму и обернулся, горячечно высматривая преследователей. Они уже показались из-за угла и бежали к нему, страшными голосами выкрикивая предупреждения. Котиль шагнул на подоконник.

Времени терять было нельзя, хотя некоторый запас у него был — не зная кода, без помощи местных полицейские не смогут войти в подъезд. Вряд ли они станут проделывать упражнения, подобные которым проделал он, но кто знает, сколько у них упрямства и молодецкой дури. Пригнувшись, он нырнул в подъездное окно и быстро спрыгнул на пол.

Наверх, говорил он себе, на последний этаж, и только по ступенькам; лифт — это ловушка, из которой выбраться будет непросто. Там, на последнем этаже, должна быть лестница, ведущая на крышу, и он бросился бежать, здоровой упругостью ног рывками перенося тело через две — три ступеньки. Быстро, ощущая радостную лёгкость и мощь в мышцах, взлетел он на девятый этаж и ступил на металлическую лестницу. Крышка

входа на чердак была закрыта на висячий замок. Котиль выругался, но не злобно, а так, для виду, как опытный мастер, знающий, что это препятствие — лишь очередной, легко преодолимый этап. Упрямства добиться своего во чтобы то ни стало с каждой преградой лишь добавлялось в нём с новой силой. Мгновенно оценив ситуацию, основанием ладони он ударил крышку у петли, зная, что здесь самое слабое место. Он бил ещё, не ощущая боли, не соизмеряя силы, которую прикладывал. Дерево треснуло, посыпался мусор, воздух наполнился пылью. Крышка подпрыгнула, обнажив покрытую ржавчиной и ощерившуюся вырванными шурупами петлю. Ударив пару раз возле второй петли, Котиль рывком отбросил державшуюся только на замке крышку.

Взобравшись на технический этаж, где валялись обломки кирпичей и всякого мусора, он услышал гудение лифта и скрежет его отворяющихся створок.

— Стой! — закричал выскочивший из лифта полицейский. — Стой, хуже будет!

— Ты что, ещё ничего не понял? — с какой-то отеческой доброжелательностью ответил Котиль. — Ты, дурак, не дошло до тебя?! Почему вы меня в институт везли, а не в обезьянник?! Я монстр, понял ты, или нет?! Меня пули не берут, у меня рожа серая, у меня кровь серая! Мне всё до

лампочки, я вас всех на части порву!

Полицейский уже был на лестнице, которая гулко отзывалась на каждый шаг его ботинок, в правой руке он сжимал пистолет. Котиль, повинувшись наитию, ни о чём не думая, обрушил крышку на свое место. Она упала в сантиметрах от головы преследователя, грохнув и подняв пыль. От неожиданности полицейский присел, радуясь, что не досталось по голове. Но тотчас крышка, словно подброшенная катапультой, взлетела обратно, Котиль с чудовищной силой схватил кисть его руки, сжимавшую пистолет, и крутанул в сторону. Полицейский заорал, пистолет полетел вниз, звякнув о металл лестницы. Котиль схватил его за другую руку и потянул вверх. Полицейский снова вскрикнул и замолотил ногами, отчаянно стараясь уцепиться за лестницу, словно некое чудовище, рыча и изрыгая пламя, затягивало его в свое логово. В какой-то момент он зацепился ногой, и ему показалось, что он в состоянии оказать сопротивление и не поддаться. Но Котиль встал поудобнее, чувствуя необоримую уверенность в своих силах, зарычал и втащил его наверх. Заломив ему руку за спину, он повалил его лицом вниз на грязный, усыпанный мусором пол. Тут же, не теряя ни мгновения, он поднял кирпичный обломок и со снайперской точностью запустил его в голову второго полицейского, который со зверской

физиономией подымался вслед напарнику. Неуклюже перебирая руками по перекладинам, тот сполз вниз, встал на колени и положил ладонь на ушибленную макушку.

— Никто не сможет взять меня, никто! — заорал Котиль торжествующим голосом. — Запомните раз и навсегда! Скажете, что меня дома не было, никуда я не убежал, не было — и всё! Исчез я, растворился в воздухе, улетел на летающей тарелке! На то я и монстр, в конце концов. Дошло до вас или нет?!

Он слегка нажал на закрученную руку, и полицейский закричал от боли.

— Нет меня, понял ты, дурак, нет вообще, для вас всех нету! Был — да весь вышел! Я же жалею вас! Будете преследовать — убью всех!

Он хотел было врезать ему по голове, и уже поднял руку, но передумал. Отпустив жертву, он взлетел по деревянной лестнице на крышу и побежал в другой конец дома.

11

Лето выдалось тёплым для этих широт, но уже к вечеру, когда солнце потускнело, потеряло силу и клонилось к закату, как голова усталого работника к своему ложу, в воздухе ощущалась прохлада. Город затихал, машин на улицах стало меньше, все

прятали их по норам — гаражам и стоянкам, свои механические сокровища. После этого люди сами прятались по норам, запирали двери на хитроумные замки, набивали желудки честно или не совсем заработанной едой; отгораживались от мира тьмы, мира изгоев, мира проклявших общественные условности людей.

Котиль брёл по окраине города, мимо облезших панелей девятиэтажек, желая, чтобы солнце побыстрее опустилось за горизонт. Ребенок лет пяти, с пластмассовой лопаткой, вымазанной песком, с ошарашенным видом какое-то время смотрел на него. Насмотревшись, он с криком: «Мама, мама, смотри — какой дядя!», — со всех ног бросился к курившей неподалеку мамаше.

Котиль отвернулся и ускорил шаг, чтобы никто не видел его серого, как асфальт, лица. С очередной волной горечи осознавал он свою отверженность. Хотя тут же он одернул себя — он давно уже отстранился от мира этих людей, а теперь это отстранение лишь перешло в физическую фазу. Кроме этого он с тревогой чувствовал упадок сил. Того сказочного подъема, наполненности энергией, ощущения крепости во всем теле, что переполняло его во время погони, когда он голыми руками сокрушал замки и двери, преграждавшие путь к свободе, уже не было. Дышать ему стало тяжелее, как альпинисту,

взошедшему к белоснежным шапкам горных вершин. Он чувствовал, что к вечеру в атмосфере города падала концентрация угарного газа, выделяемого тысячами автомобилей. Он знал, куда ему идти, и это знание добавляло душевных мук.

Буровая. Там всегда стоял запах свежей нефти, запах переработанной нефти, запах отходов, запах газа. Запах всего того, без чего он по воле то ли злого случая, то ли не менее злых людей теперь не мог жить. И он, и желая этого, и отвергая, брел в сторону блиставших на фоне потемневшего неба огней сжигаемого попутного газа.

Он чувствовал голод и жажду и знал, что обычная человеческая пища теперь ему не годится. Всё, чем теперь будет он жить, что принимать внутрь, чем дышать, должно содержать углеводороды. Это проклятое соединение, которое изуродовало мир, изменило его до неузнаваемости, убило сотни видов живых существ, присадило человечество на развращающую иглу готового источника энергии. Не надо шевелить мозгами, изобретая что-то новое; качай готовенькое и задыхайся в чаду собственных испражнений.

Стемнело, и на небе появились едва заметные сквозь грязную атмосферу точки звезд. Котиль услышал веселые выкрики и громкий говор, ближе к дороге, которая вела к буровой. Он вспомнил о забегаловке, не закрывавшейся всю ночь и

особенно любимой нефтяниками. До самого утра здесь гремела веселая музыка и водка текла рекой, пропивались последние деньги и гуляки валились с ног в кутерьме бесшабашных танцев, предавались плотским утехам и доводили себя до белой горячки. Котиля смутным движением души потянуло к этому месту, хотя он, гонимый, наверняка объявленный в розыск, должен был избегать людей.

То ли голод, то ли медленно прораставшее, как зерно пшеницы, чувство родства с этими людьми, которые дурманом глушили неудовлетворенность жизнью, убивали остатки детской мечты, которая мешала жить, маялось в сердце Котиля. Он шел, поёживаясь от озноба в одной футболке, в направлении слабо мерцавшей примитивной вывески. У входа в забегаловку стояли трое, покачиваясь от опьянения, что-то доказывали и старались перекричать друг друга, через слово используя мат. Чуть поодаль возле стены перегнулся пополам четвёртый, с душераздирающими звуками извергая из себя всё, что вместилось в желудок, но оказалось чрезмерным. Неподалеку в темноте едва виднелась ещё тень, и Котиль не заметил бы её, если бы краем уха не услышал едва пробивавшиеся сквозь грязную ругань и хрипы звуки слабого голоса. Монотонно и жалобно кто-то твердил: «Купите мешочек, купите кто-нибудь мешочек».

Присмотревшись, Котиль понял, что это пожилая женщина, которая держала в руках белые мешочки. Скорее всего, она сама их пошила и теперь пыталась продать. Никто не обращал на неё внимания, но она не прекращала попыток, голос её не менялся, не выражая ни отчаяния, ни радости. Котиль толкнул дверь и вошёл внутрь.

В полумраке гремела музыка, стоял плотный сигаретный чад, как дым на серьезном пожаре, чему Котиль обрадовался — меньше будут обращать внимания на цвет его кожи. Народу сидело много, большая часть была пьяна. Из дальнего угла, с трудом прорезая вывихи популярной музыки, доносился женский смех. Котиль уселся за деревянный стол, на деревянную длинную лавку. Всё было крепким и добротным, предназначенным выдерживать любые вывихи буйной фантазии, которые порождались воздействием изрядных доз спиртного.

Рядом с Котилем сидело двое. Напротив него скалил белые зубы молодой парень с зачёсанным набок и закрутившимся вихрами чубом.

— Ты чего не закусываешь? — весело уставился он на собутыльника, ссохшегося мужичка с гнилыми зубами и прилипшей к губе сигаретой.

— Это тебе, зелёному, закусывать надо, — хрипло, с кривой ухмылкой ответил тот, и, не

вынимая сигареты, сплюнул на пол.

— А чё не закусить-то, — с балаганной веселостью ответил белозубый и рассмеялся, всем видом выражая безграничное счастье. — Наливай, — вальяжно скомандовал он, — мы сюда глядеть в потолок пришли?

Пальцами с грязными ногтями он взял с тарелки кусок копчёной колбасы с большим количеством жира, бросил в рот и широко заработал челюстями.

Ссохшийся стал наливать. Белозубый икнул и, откровенно уставившись на Котиля, спросил:

— А ты чего не пьешь? Давай, неси стакан, а то вон рожа какая стала! Небось, здоровье надо поправить? Счас поправим.

Котиль, не выражая эмоций, послушно поднялся, пошёл к барной стойке и спросил у заплывшей жиром барменши стакан. Барменша безразлично взглянула на него и поставила на стойку гранчак. Котиль снова уселся. Белозубый щедро налил до краёв и плеснул через верх. Водка тонкой струйкой, пробравшись между микроскопическими неровностями древесины к краю, стала стекать на пол, но никто не обратил на это внимания.

— Это тебе штрафная! Мы тут вторую бутылку начали, а ты только явился. Ишь, как скрутило тебя не на шутку, — ораторствовал

белозубый, рассматривая серые руки Котиля, — ничего, попустит!

Он добавил пару матерных слов, смакуя каждый слог, и бесшабашно, во всё горло, расхохотался. Звякнули стаканы, все выпили, Котиль отпил два глотка и поставил.

— Ну ты пьешь! Нефтяники так не пьют! Ты нефтяник или нет? Конечно, нефтяник — по тебе видно!

Вошла женщина, продававшая мешочки. Шла она как на казнь, полностью смирившись с неизбежным, окунувшись в клубы сигаретного дыма, в звуки веселой музыки, в гомон грубых разговоров и пьяных выкриков. Слабым голосом она пыталась пересилить всё это и твердила, как заведённая: «Купите кто-нибудь мешочек». Подходила то к одному столу, то к другому, но никто не обращал на неё внимания. Белозубый протянул, словно перст, указующий на нечто неразумное, толстый палец и с полным ртом заорал:

— Кому нужны твои мешочки? Ты что, пакетов целлофановых не видела? А из чего пакеты делают? Из нефти! Все из неё, кормилицы! Скоро и еда будет из нефти!

— И водка тоже, — самодовольно вставил ссохшийся, пожёвывая сигарету.

— Само собой! Это первым делом — водку из нефти гнать. И называться будет...

— Нефтяника, — подсказал Котиль, покоряясь снизошедшему вдруг вдохновению.

— Точно, нефтяника! — орал белозубый. — Эй, хозяйка, ну-ка налей нам нефтяники! Настоящей, пахучей, как отстойники на буровой!

Он засмеялся во все горло, довольный собственной шуткой, и грохнул кулаком по столу.

Старушка, хватавшаяся за любую надежду, ввиду оказанного ей внимания подошла к столу и, робко протягивая мешочки, пролепетала:

— У меня хорошие мешочки...

— Что там хорошего! Ерунда, а не мешочки!

— Никакой нефти, из хорошего материала...

— Вот именно! Нефтяникам непонятно что предлагаешь!

— Дай ей что-нибудь, — предложил Котиль.

— Дам! — согласился белозубый, резво схватил бутылку и плеснул в стакан. — Водку будешь пить? На, пей!

Старушка испуганно отшатнулась и потопала к выходу. У самой двери она закашлялась от сигаретного дыма, но покорности, которая отражалась во всей фигуре, не изменила ни на мгновение.

Белозубый засмеялся, наливая товарищу. Колбаса закончилась, и они пили не закусывая. Белозубый заводился всё больше, глаза его остекленели, слова, в избытке слетавшие с языка,

разобрать было всё труднее. Ссохшийся сидел с полуприкрытыми веками, лишь одну за одной меняя сигареты, всё так же приклеивая их к губе. Общий гомон в зале, подогреваемый спиртным, усилился, из-за дыма, казалось, скоро не будут видны и стены, обитые пластиком ядовито-зеленого цвета. Музыка грянула громче, что вызвало бурю одобрения. Зал забурился, из дальнего угла снова послышался женский визг попеременно с мужским матом. Неподалеку от барной стойки, на свободном от столов пространстве появились танцующие. Немолодой мужик со спитым лицом, в грязных джинсах, но в неестественно светлой, как для школьной линейки, рубашке, неуклюже потоптался и взмахнул руками. После неудачного взмаха он потерял равновесие и упал, чуть не повалив взвизгнувшую женщину. Несмотря на падение, он радостно и мечтательно выругался, а в глазах блеснул неподдельный восторг. В глубине зала, слетев со стола, разбился стакан, сопровождаемый руганью.

Грохнула со всего маху подпружиненная дверь, впустив новых людей. Это были две женщины, не юного возраста, но броско одетые и ярко покрашенные. Вид их выражал уверенность в себе и высокомерие; одна заметно пошатывалась.

— Смотрите! — зашипел белозубый, ослабившись. — Это ж жена нашего шефа!

Ссохшийся лениво развернулся, скосив глаза и пыхнув зажатой в почерневших губах сигаретой.

— Бабёнка любит зажигать — с всезнающим видом выдал он. — Будет потеха. Потом может явиться сам, тогда огребет по полной.

— Ей не привыкать.

— Ей всё равно, — с апломбом признанного гуру бубнил ссохшийся. — Еще та девка.

— Жена шефа? — отозвался Котиль. — Бардаганова, что ли?

— А кого ж ещё? — легко перекрикивал музыку белозубый. — А ты чё, глаз положил? — он от души загигикал. — Ты в зеркало давно смотрел, серый ты волчара? И даже не в этом дело! Бардаганов узнает — прибьёт! Выпей, и всё пройдет!

Он снова стал наливать. Котиль сделал два хороших глотка, поглядывая на вошедших женщин. Те взяли водки, что-то закусить и уселись за соседний столик. Выпив, одна из них с заговорщицким видом принялась что-то рассказывать, а другая развязно захохотала и чуть не улеглась на стол. После этого, не переставая смеяться, она отклонилась назад с весьма опасной амплитудой. Котиль, приложившись к водке, снова посмотрел в их сторону.

После короткого перерыва взревела музыка, еще более энергичная. Вновь прибывшие дамы,

повиливая бедрами в такт мелодии, вышли на площадку. Жена Бардаганова танцевала со знанием дела; стройная фигура её в облегающих джинсах с протёртыми по всей длине прорехами привлекала внимание. Ещё раз отхлебнув водки, Котиль поднялся, почувствовав знакомый прилив сил от сигаретного дыма и спиртного. Пристроившись к танцующим, неподалеку от жены Бардаганова, он то откровенно осматривал её с ног до головы, то отворачивался почти с брезгливым выражением лица. Он толком не знал, зачем это всё ему надо. Ненависть к Бардаганову вместе с мучительным интересом к его жене трепетали в его сердце.

Музыка сменилась на медленную, и он заметил на себе заинтересованный взгляд жены Бардаганова. В глазах её играли бесенята, на губах появлялась презрительная улыбка. Подойдя к нему, она взяла его за руку повыше кисти и потянула к себе. Они танцевали медленно, он прижал её, почувствовав упругую грудь, чему она не противилась.

— Ты кто? — с интересом спросили она, обняв его за шею.

— Нефтяник.

— Терпеть не могу нефтяников.

— Тогда космонавт.

— Терпеть не могу космонавтов.

— Тогда монстр, мутант, который охотится на

женщин.

— Вот это другое дело. И что ты делаешь с женщинами?

— Делаю из них монстров.

— И что потом?

— Потом они становятся ненасытными.

— В каком смысле? — с ироничной улыбкой приняла она игру, притворяясь непонимающей.

— В самом прямом.

— И как же ты делаешь их монстрами?

Котиль молчал, тягостное чувство охватило его. Что он хотел от всего этого, мести ли Бардаганову, всему миру или чего другого — он не мог для себя решить. Злоба стала закипать в нём, злоба на эту женщину, с жиру бесившуюся в дешевом кабаке; лицо его окаменело.

— Ну, что молчишь? Забыл, как это делается?

— Что делается?

— Как женщин превращают в монстров?

— Не забыл.

— Так рассказывай.

Повинуясь игре, не переставая танцевать, он сильнее прижал её к себе. «Хорошее начало», — простонала она и впилась в его губы. «Не страшно?» — полуиронично, полужлобно осведомился он после поцелуя. Она рассмеялась. «Ты станешь такой же». «Обожаю монстров». «Значит, люди тебе уже надоели». «Если бы ты

знал, как».

Кто-то в зале с грохотом, рискуя разбить, опустил пивной бокал на стол, от чего Котиль вздрогнул. Это напомнило ему звук выстрела и вернуло к действительности. Что он здесь делает? Его, скорее всего, ищут повсюду, а он тискает пьяную бабенку, да еще и жену врага. Полицейские, озверелые от позора, смакуют, пылая праведным гневом, представляют, как дубинками делают из него отбивную. Конечно, он будет оказывать яростное сопротивление работникам при исполнении, даже если на самом деле не двинет и пальцем. Или вообще пристрелят, а он рассказывает какие-то сказки пьяной твари.

— Мне надо идти, — обронил он злобно, отстраняясь от нее.

— Куда? К себе, в логово монстра?

— Именно.

— Не будь идиотом. Ты знаешь, кто я? Но лучше тебе не знать.

— А ты знаешь, кто я?

— Знаю, монстр. Сам сказал. Пошли со мной.

Она схватила его за ремень и притянула к себе. Он взял её за предплечье и сильно сжал, скорчив злобную гримасу, но это её не отпугнуло, а наоборот — несмотря на боль, она застонала от страсти. Чуть не силой она потащила его за собой, в одну из комнат, куда проститутки водят клиентов.

Заперев дверь на расшатанную защелку, она подожгла свечу, которая стояла в подсвечнике на журнальном столике с отбитым углом и потресканной полировкой. Выключив электричество, она стала срывать с Котиля футболку.

Он хватал её за ягодицы, грудь, руки, сжимал довольно сильно, но она только стонала от удовольствия. Сорвав с неё джинсы с трусиками и повалив на кровать, он вошел в неё мощно и грубо, как варвар, который любой ценой добывается своего. Она, словно в отместку, загнала ногти ему в спину, заставив его вскрикнуть больше от неожиданности, чем от боли. Он хотел причинить ей боль, отомстить за свою искалеченную жизнь, а она стала орать и подбадривать его, извивалась в постели, как гадюка, разметав по подушке белокурые волосы. Она кричала уже во весь голос, орала, словно был пожар, и речь шла о спасении жизни, и у Котиля мелькнула мысль о том, что он недооценивает своего врага, Бардаганова. У того еще больше животной страсти, деньги и власть стали единственной его ценностью, вошли в плоть и кровь, превратили в фанатика этой религии. Так просто его не возьмешь.

Запах сигаретного дыма и спиртное придали Котилю сил, и он двигался все мощнее и быстрее, а она, распаяясь, испытывала оргазм за оргазмом.

«Плодитесь, серые людишки! — пронеслось в голове у Котиля, — не я же один должен быть такой! Попомните серого выродка!»

«Хватит... — наконец, простонала она, но Котиль, не слушая её, продолжал двигаться, упиваясь своей мощью, надеясь поставить ее на колени, заставить просить пощады. Но она не стонала уже и не кричала, а выла, как волчица, хрипела, словно в агонии, и больше не просила остановиться, получая в этом уже безудержном, почти садомазохистском соитии особенное удовольствие.

Котиль наконец остановился, вышел из неё и вытер ладонью пот со лба, думая о том, что пот у него тоже серый, хотя в полумраке это не слишком заметно. Ничего, злорадно подумал он, скоро всё вокруг будет серое, он уж постарается. Весь мир покроется серой плесенью, всё вокруг заселят мутанты и перерожденцы, и сотворённые силой злого гения, и появившиеся на свет естественным образом от переродившихся родителей.

Он оделся и улёгся на коврик рядом с кроватью, глядя в рисунок выцветших обоев на потолке. Так пролежали они довольно долго, не обронив ни слова. В коридоре послышались грубая ругань и тяжелые шаги. «Где она?!» — рывкнул кто-то, на дверь обрушился мощный удар, заставивший ее распахнуться. Защелка, жалобно звякнув,

покатилась по полу. Крепкая фигура предстала в дверном проёме, трехэтажный мат сотряс атмосферу комнатенки. Судя по всему, Бардаганов был пьян, глаза сверкали, волосы были взлохмачены, шрам на щеке горел.

— И с кем это ты здесь?

Он шагнул к Котилю, в неровном пламени свечи присмотрелся и остолбенел, разглядев цвет кожи соперника.

— Что это за рожа? Это что, негр, что ли? Да это... ты? Опять ты? Я тебе говорил: ещё раз полезешь — убью! Говорил или нет? А ты? — обернулся он к Марине, — сучка! — Всяких уродов выбираешь себе!

— Я никого не выбирала!

— Закрой рот!

— Сам закрой! Вызывай ментов!

— Чего?

— Уши заложило? Ментов вызывай, говорю!

— На кой ментов? Я вас обоих своими руками...

— Он изнасиловал меня.

— Что?! — изумленно воскликнул Котиль, приподымаясь с пола.

— Затащил сюда силой, сволочь...

— Что?!

— И трахал столько, что я чуть с ума не сошла!